ПОКА ТЯТЯ ОПРАВЛЯЛСЯ, СЫН ДО ЛЫКА НАЛИЗАЛСЯ

Старшее поколение, говоря о нынешней молодежи, любит попенять, что в былые времена такой распущенности и беспредела не было. Мол, в дореволюционные годы молодые люди своих родителей, как икону, почитали, шага без родительского благословения ступить боялись. А в советское время дружно шагали в светлое будущее под знаменами пионерской и комсомольской организаций - тоже не до безобразий было. Однако архивные документы и периодика начала XX века порой свидетельствуют совсем об обратном.

«Молодежь, вырвавшись из-под власти старшего поколения, авторитет которого был поколеблен, не приобретя прочных устоев для своего поведения, стала проявлять «хулиганство», несравненно большее, чем раньше», - пишет о послереволюционной ярославской деревне Дмитрий Золотарев в «Этнографических наблюдениях в деревне РСФСР (1919 - 1925 гг.)». Подтверждение этому можно найти и в «Известиях», выходивших в Ростовском уезде в 1918 году. В заметке «Плохой пример» в номере за 31 августа корреспондент рассказывает о нравах села Климатина, где после октябрьского переворота помещика Кайдалова выселили из усадьбы, а его дом отдали под начальную школу. Прилегающий к дому флигель стали использовать под общественную чайную. Затем чайная перешла в частные руки. И «просвещение» народа пошло полным ходом: азартные картежные игры на деньги, игра на гармониках, пение нецензурных песен, площадная брань, появление особ сомнительного поведения, величающих себя вдовами офицеров. «Вот что творится около школы», - заключает корреспондент.

«В начале моего приезда в волость я увидел множество темноты и невежества как среди крестьян, так и молодежи, а именно: пьянство и картежные игры, - отмечает в своем докладе в 1920 году Горский волостной военком Морозов. - Народный дом и военный комиссариат были разгромлены пьяной толпой дезертиров и крестьян. Дезертиров было много; молодежь занималась большей частью игрой в карты, пьянством и хулиганскими выходками; ячейки в то время не было; крестьяне не понимали, что такое партия коммунистов - кому она друг и кому враг, газет имелось мало, которые раздавались среди крестьян неаккуратно...»

Традиционной формой общения деревенской молодежи в осенне-зимний период считались посиделки, или беседы. На посиделках, которые проходили в съемных избах, парни ухаживали за девушками, девушки выбирали себе ухажеров, таким образом, создавались постоянные пары, которые покидали беседу вместе. В Ильинской волости подобное ухаживание называлось «почетниками». Не имели «почетников» (постоянных ухажеров) только те девушки, которые редко ходили на гулянья.

Для деревенских посиделок была свойственна атмосфера беззаботного веселья и вольности: хороводы сменялись кадрилью, песни - играми, не обходилось без соленых шуток, поцелуев и щупанья девушек, для чего специально гасили лучину. Некоторые игры заранее подводились под поцелуи, хотя и носили случайный характер: «фанты», «почта», «бутылочка».

И все же до интимных отношений вне брака дело доходило крайне редко. Если же парень брал девушку обманом, то за лишение девственности он должен был жениться на обесчещенной девушке или компенсировать ее семейству ущерб, даже если блуд произошел по обоюдному согласию. Компенсация доходила до трети всего имущества соблазнителя.

На «бросовых» девушках парни не женились, уделом тех становились старые или очень бедные вдовцы. По свидетельству современников, возраст женихов в Ильинской волости был от 18 до 20 лет, невесты же были старше на два-три года. При этом на девушках было принято жениться лишь дважды, в третий раз вдовцу разрешалось заключать брак только с вдовой.

Неженатый парень не считался настоящим крестьянином. На него смотрели отчасти с сожалением, как на нечто нецелое, отчасти с презрением. «Есть у нас в селе, как исключение, один 30-летний неженатый крестьянин, - делилась своими наблюдениями учительница Краснораменская. - Хромой, сирота, живет у чужих, своего дома в селе Ильинском нет. Зовут его, как подростков, Енькой». Молодая крестьянка, родившая внебрачного ребенка, в течение года не допускалась на посиделки. Но и по истечении года другие девушки чурались ее, опасаясь, что в противном случае и о них может пойти дурная слава, и та обычно находила себе в другой деревне подругу с похожей судьбой.

В материалах «Этнографического бюро» князя Тенишева корреспондент Алексей Фомин сообщает, что жених о нецеломудрии невесты объявляет редко, и то спустя неделю, две или три. Если невеста девственница, то на свадьбе все рюмки и бутылки обвязываются красными ленточками, а около дома новобрачных на шестах выкидываются красные флаги. Если невеста оказывается нецеломудренной, то, по свидетельству Фомина, жених берет рюмку с просверленной снизу дырочкой, зажимает ее пальцем и, налив вина, подходит к матери невесты со словами «Извольте, матушка, выкушать», а затем убирает палец. У дома молодых вывешиваются черные флаги. В селе Чернокунове и деревне Коленово за нецеломудрие невесты свата пороли соломенным жгутом или лошадиным ременным кнутом.

На праздничные посиделки молодежь надевала самые нарядные костюмы, нанимался гармонист. В заговенье на Петров пост одним из самых многолюдных гуляний в Ростовском уезде, собирающим молодежь из отдаленных местностей, было гулянье в селе Огарев холм, близ Макарова. В самом Макарове большой святочный съезд девиц и молодцев проходил за два дня до Рождества. Во второй день праздника молодежь перебиралась в Кладовицы, а оттуда в деревню Никольское и соседнюю с ней - Курбаки на три дня, наконец - на три дня в Приимково. Все эти вечера проходили на беседах в песнях, играх и других святочных увеселениях.

Когда на беседе появлялись незваные гости из враждующих деревень, а то и соседних волостей, гулянье нередко заканчивалось дракой. Защитить своих девушек от навязчивых ухаживаний чужаков считалось делом чести. Если же кто-то из компании во время потасовки трусливо убегал, то потом ему устраивали трепку или били в доме стекла. Вступиться за своих нередко выходили взрослые парни и даже женатые мужики. Во время драки, как отмечают очевидцы, были все средства хороши. И заранее принесенные с собой самодельные кастеты, и ремни с тяжелыми бляхами, и гирьки на ремешке, и подручный материал: уличные камни, поленья, колья из забора. Уличные драки были очень жестокими, часто заканчивались тяжелыми травмами участников и убийствами.

В ПЯТОЙ книжке журнала «Прекрасное далеко» за 1914 год опубликован очерк Тихомирова «Пешком по Ярославской губернии», где на 38-й странице тоже есть описание деревенской беседы. «Пение специфически деревенское - с деревенским акцентом, выговором и приемами, визгливое, унисонное (однотипное) и деревенских же песен позднейшего времени, - отмечает автор. - Но поют эти песни девицы, выряженные и вычесанные по последней моде, обутые в цветные чулки и туфельки и обмахивающиеся тонкими надушенными кружевными платочками. Некоторые из них недурно танцуют, очень сносно одеты и порядочно умеют себя держать, но весьма редкие обладают хоть сколько-нибудь интеллигентными лицами. О выражении лиц и глаз лучше умолчу, долго еще в них не засветится то, что называется искрой Божией. Парни не уступают девицам: штиблеты, брюки навыпуск, пиджаки или даже сюртуки, шляпы - котелки и панамы, воротнички, манишки, рукавчики, тросточки. Понятно, беда не в том, что крестьяне оделись в городское платье, и даже не в том, что они отплясывают в 30-градусную жару в триковых пиджаках и суконных сюртуках с тросточками в руках, обливаясь потом и шелуша «семечки» - подсолнечники или «подсолнухи», а в том, что за эти пиджаки нередко отдана последняя корова, что к вечеру в безобразной пьяной драке от них останутся одни клочья. Господам в манишках никак не втолкуешь о необходимости многополья, что они, чувствуя грубость и бедность крестьянской одежды, не чувствуют грубости и скудости собственной души и ума».

Криминальные наклонности молодежи Ильинской волости отмечала учительница Краснораменская в уже упоминавшихся материалах «Этнографического бюро» князя Тенишева: «Молодежь села про себя песни поет вроде следующих: «Пока тятя парился, сын к амбару правился. Пока бороду чесал, сын мешочек нагребал. Пока тятя оправлялся, сын до лыка нализался». И в том же духе: «Отец пишет, мать торгует, сын из лавочки ворует».

«К политике молодежь глубоко равнодушна и этим отличается от соседних селений, к образованию тоже не стремится, скорее старики посолиднее проявляют остаток прежней наблюдательности, - пишет Каруновская в очерке «Село Ново-

селка-Зюзино Росто да», вошедшем в сб волюция в деревне» славию, к обрядам равнодушие. Постоя дится слышать упре стариков. В церков молиться не хотят. То стольные праздники молятся, стоят, как «Больно умные стали мне Михайлыч. «П вишь, Бога, тогда я как же Моисей да И от Бога лишь задниц тут им лицом покаж терпит да терпит, а т нет хлестать чем поп навертисси!» - Михай кал на летний град ший так много убы Кара Божья за неп ность. Но молодежь но боится гнева Бож мые озорные ходят по певая: «У нашего попа растет трава»...

В статье «О культур те в деревне» ростов та «Трудовые дни» в сообщает: «Молодое деревни носит в себе лиганства, всевозмо ступлений, у него нет вершенно культурных ний, оно предостав себе, оно бросило с отвернулось от поп предрассудков, но не нашло».

После установлени кой власти уездные взялись за регулиров ведения бесед в сель ности, с тем чтобы в контроль. Весьма хара этом плане является ное постановление № кого УИК от 23 января «О порядке устройст вальных вечеров-бесе ких местностях», при избежание имеющи устройстве танцеваль ров-бесед в сельски тях пьянства и хулига док, выражающихся скандалах, иногда кон убийствами».

В первом параграфе кумента говорится, что ство в сельских м танцев-бесед, вых пределы того или дру ния, т. е. таких, в ко ствует молодежь не то го селения, допуска чительно с разреше ника волостной мили свое селение - то с уве ем об этом сельского теля. Для получения р согласно второму па троители обязаны по чальнику милиции не как за три дня письме ление в двух экземпл занием, когда, в как и кем устраивается в беседа, кто являет ственным устроите доме таковое устра тий параграф подчер при устройстве бес ринки без разреше ственность несут «до сельский исполнитель сутствующие, активн щие в беседе, в моме жения таковой».

Олег

Фото из архив

ПОКА ТЯТЯ ОПРАВЛЯЛСЯ, СЫН ДО ЛЫКА НАЛИЗАЛСЯ

Старшее поколение, говоря о нынешней молодежи, любит попенять, что в былые времена такой распущенности и беспредела не было. Мол, в дореволюционные годы молодые люди своих родителей, как икону, почитали, шага без родительского благословения ступить боялись. А в советское время дружно шагали в светлое будущее под знаменами пионерской и комсомольской организаций - тоже не до безобразий было. Однако архивные документы и периодика начала XX века порой свидетельствуют совсем об обратном.

«МОЛОДЕЖЬ, вырвавшись из-под власти старшего поколения, авторитет которого был поколеблен, не приобретя прочных устоев для своего поведения, стала проявлять «хулиганство», несравненно большее, чем раньше», - пишет о послереволюционной ярославской деревне Дмитрий Золотарев в «Этнографических наблюдениях в деревне РСФСР (1919 - 1925 гг.)». Подтверждение этому можно найти и в «Известиях», выходивших в Ростовском уезде в 1918 году. В заметке «Плохой пример» в номере за 31 августа корреспондент рассказывает о нравах села Климатина, где после октябрьского переворота помещика Кайдалова выселили из усадьбы, а его дом отдали под начальную школу. Прилегающий к дому флигель стали использовать под общественную чайную. Затем чайная перешла в частные руки. И «просвещение» народа пошло полным ходом: азартные картежные игры на деньги, игра на гармониках, пение нецензурных песен, площадная брань, появление особ сомнительного поведения, величающих себя вдовами офицеров. «Вот что творится около школы», - заключает корреспондент.

«В начале моего приезда в волость я увидел множество темноты и невежества как среди крестьян, так и молодежи, а именно: пьянство и картежные игры, - отмечает в своем докладе в 1920 году Горский волостной военком Морозов. - Народный дом и военный комиссариат были разгромлены пьяной толпой дезертиров и крестьян. Дезертиров было много; молодежь занималась большей частью игрой в карты, пьянством и хулиганскими выходками; ячейки в то время не было; крестьяне не понимали, что такое партия коммунистов - кому она друг и кому враг, газет имелось мало, которые раздавались среди крестьян неаккуратно...»

Традиционной формой общения деревенской молодежи в осенне-зимний период считались посиделки, или беседы. На посиделках, которые проходили в съемных избах, парни ухаживали за девушками, девушки выбирали себе ухажеров, таким образом, создавались постоянные пары, которые покидали беседу вместе. В Ильинской волости подобное ухаживание называлось «почетниками». Не имели «почетников» (постоянных ухажеров) только те девушки, которые редко ходили на гулянья.

Для деревенских посиделок была свойственна атмосфера беззаботного веселья и вольности: хороводы сменялись кадрилью, песни - играми, не обходилось без соленых шуток, поцелуев и щупанья девушек, для чего специально гасили лучину. Некоторые игры заранее подводились под поцелуи, хотя и носили случайный характер: «фанты», «почта», «бутылочка».

И все же до интимных отношений вне брака дело доходило крайне редко. Если же парень брал девушку обманом, то за лишение девственности он должен был жениться на обесчещенной девушке или компенсировать ее семейству ущерб, даже если блуд произошел по обоюдному согласию. Компенсация доходила до трети всего имущества соблазнителя.

На «бросовых» девушках парни не женились, уделом тех становились старые или очень бедные вдовцы. По свидетельству современников, возраст женихов в Ильинской волости был от 18 до 20 лет, невесты же были старше на два-три года. При этом на девушках было принято жениться лишь дважды, в третий раз вдовцу разрешалось заключать брак только с вдовой.

Неженатый парень не считался настоящим крестьянином. На него смотрели отчасти с сожалением, как на нечто нецелое, отчасти с презрением. «Есть у нас в селе, как исключение, один 30-летний неженатый крестьянин, - делилась своими наблюдениями учительница Краснораменская. - Хромой, сирота, живет у чужих, своего дома в селе Ильинском нет. Зовут его, как подростков, Енькой». Молодая крестьянка, родившая внебрачного ребенка, в течение года не допускалась на посиделки. Но и по истечении года другие девушки чурались ее, опасаясь, что в противном случае и о них может пойти дурная слава, и та обычно находила себе в другой деревне подругу с похожей судьбой.

В материалах «Этнографического бюро» князя Тенишева корреспондент Алексей Фомин сообщает, что жених о нецеломудрии невесты объявляет редко, и то спустя неделю, две или три. Если невеста девственница, то на свадьбе все рюмки и бутылки обвязываются красными ленточками, а около дома новобрачных на шестах выкидываются красные флаги. Если невеста оказывается нецеломудренной, то, по свидетельству Фомина, жених берет рюмку с просверленной снизу дырочкой, зажимает ее пальцем и, налив вина, подходит к матери невесты со словами «Извольте, матушка, выкушать», а затем убирает палец. У дома молодых вывешиваются черные флаги. В селе Чернокунове и деревне Коленово за нецеломудрие невесты свата пороли соломенным жгутом или лошадиным ременным кнутом.

На праздничные посиделки молодежь надевала самые нарядные костюмы, нанимался гармонист. В заговенье на Петров пост одним из самых многолюдных гуляний в Ростовском уезде, собирающим молодежь из отдаленных местностей, было гулянье в селе Огарев холм, близ Макарова. В самом Макарове большой святочный съезд девиц и молодцев проходил за два дня до Рождества. Во второй день праздника молодежь перебиралась в Кладовицы, а оттуда в деревню Никольское и соседнюю с ней - Курбаки на три дня, наконец - на три дня в Приимково. Все эти вечера проходили на беседах в песнях, играх и других святочных увеселениях.

Когда на беседе появлялись незваные гости из враждующих деревень, а то и соседних волостей, гулянье нередко заканчивалось дракой. Защитить своих девушек от навязчивых ухаживаний чужаков считалось делом чести. Если же кто-то из компании во время потасовки трусливо убегал, то потом ему устраивали трепку или били в доме стекла. Вступиться за своих нередко выходили взрослые парни и даже женатые мужики. Во время драки, как отмечают очевидцы, были все средства хороши. И заранее принесенные с собой самодельные кастеты, и ремни с тяжелыми бляхами, и гирьки на ремешке, и подручный материал: уличные камни, поленья, колья из забора. Уличные драки были очень жестокими, часто заканчивались тяжелыми травмами участников и убийствами.

ВПЯТОЙ книжке журнала «Прекрасное далеко» за 1914 год опубликован очерк Тихомирова «Пешком по Ярославской губернии», где на 38-й странице тоже есть описание деревенской беседы. «Пение специфически деревенское - с деревенским акцентом, выговором и приемами, визгливое, унисонное (однотипное) и деревенских же песен позднейшего времени, - отмечает автор. - Но поют эти песни девицы, выряженные и вычесанные по последней моде, обутые в цветные чулки и туфельки и обмахивающиеся тонкими надушенными кружевными платочками. Некоторые из них недурно танцуют, очень сносно одеты и порядочно умеют себя держать, но весьма редкие обладают хоть сколько-нибудь интеллигентными лицами. О выражении лиц и глаз лучше умолчу, долго еще в них не засветится то, что называется искрой Божией. Парни не уступают девицам: штиблеты, брюки навыпуск, пиджаки или даже сюртуки, шляпы - котелки и панамы, воротнички, манишки, рукавчики, тросточки. Понятно, беда не в том, что крестьяне оделись в городское платье, и даже не в том, что они отплясывают в 30-градусную жару в триковых пиджаках и суконных сюртуках с тросточками в руках, обливаясь потом и шелуша «семечки» - подсолнечники или «подсолнухи», а в том, что за эти пиджаки нередко отдана последняя корова, что к вечеру в безобразной пьяной драке от них останутся одни клочья. Господам в манишках никак не втолкуешь о необходимости многополья, что они, чувствуя грубость и бедность крестьянской одежды, не чувствуют грубости и скудости собственной души и ума».

Криминальные наклонности молодежи Ильинской волости отмечала учительница Краснораменская в уже упоминавшихся материалах «Этнографического бюро» князя Тенишева: «Молодежь села про себя песни поет вроде следующих: «Пока тятя парился, сын к амбару правился. Пока бороду чесал, сын мешочек нагребал. Пока тятя оправлялся, сын до лыка нализался». И в том же духе: «Отец пишет, мать торгует, сын из лавочки ворует».

«К политике молодежь глубоко равнодушна и этим отличается от соседних селений, к образованию тоже не стремится, скорее старики посолиднее проявляют остаток прежней наблюдательности, - пишет Каруновская в очерке «Село Ново-

селка-Зюзино Росто да», вошедшем в сб волюция в деревне- славию, к обрядам равнодушие. Постоя дится слышать упре стариков. В церков молиться не хотят. То стольные праздники молятся, стоят, как «Больно умные стали мне Михайлыч. «П вишь, Бога, тогда я как же Моисей да И от Бога лишь задниц тут им лицом покаж терпит да терпит, а т нет хлестать чем поп навертисси!» - Михай кал на летний град ший так много убы Кара Божья за неп ность. Но молодежь н но боится гнева Бож мые озорные ходят по певая: «У нашего попа растет трава»...

В статье «О культур те в деревне» ростов та «Трудовые дни» в сообщает: «Молодое деревни носит в себе лиганства, всевозмо ступлений, у него нет вершенно культурных ний, оно предостав себе, оно бросило с отвернулось от поп предрассудков, но н не нашло».

После установлени кой власти уездные взялись за регулиров ведения бесед в сель ности, с тем чтобы в контроль. Весьма хара этом плане является ное постановление № кого УИК от 23 января «О порядке устройст вальных вечеров-бесе ких местностях», при избежание имеющих устройстве танцеваль ров-бесед в сельски тях пьянства и хулига док, выражающихся скандалах, иногда кон убийствами».

В первом параграфе кумента говорится, что ство в сельских ме танцев-бесед, выхо пределы того или дру ния, т. е. таких, в кот ствует молодежь не то го селения, допуска чительно с разреше ника волостной мили свое селение - то с уве ем об этом сельского теля. Для получения р согласно второму пар троители обязаны по чальнику милиции не как за три дня письме ление в двух экземпл занием, когда, в каки и кем устраивается в беседа, кто являет ственным устроителе доме таковое устра тий параграф подчер при устройстве бесе ринки без разреше ственность несут «до сельский исполнитель сутствующие, активн щие в беседе, в моме жения таковой».

Оле

Фото из архив